

ПОЭТИКА МОТИВА ГРАНИЦЫ В ПРОЗЕ ИНГЕБОРГ БАХМАН

В данной статье рассматривается феномен границы на материале прозаических произведений И. Бахман. Исследуется смысло- и сюжетообразующий потенциал мотива границы посредством выделения и анализа его семантических вариантов. Мотив границы используется автором для разработки таких экзистенциально значимых аспектов, как «я» и «другой», язык и сознание, слово и смысл.

Ключевые слова: мотив, граница, язык, сознание, утопия, И. Бахман.

Тематизация проблемы границы в творчестве Ингеборг Бахман осуществляется на стыке двух областей — философии и литературы. Непосредственное влияние на ее творчество, оказали, с одной стороны, концепция австрийского логика-позитивиста Л. Витгенштейна, заключившего «границы мира» в «границы языка», с другой стороны, новые принципы работы с художественным текстом, порожденные кризисом европейского гуманизма и утверждающие совершенно иные способы взаимодействия автора с окружающей реальностью. Экзистенциальная «трещина», вышедшая на поверхность на рубеже веков в сознании субъекта и отныне безнадежно отчуждающая его не только от объективной действительности, но и от самого себя, обозначила «точку невозврата» к прежним практикам литературного письма. В творчестве И. Бахман можно обнаружить отголоски произведений таких авторов, как Х. фон Гофмансталь, Ф. Кафка, Р. Музиль, М. Пруст, оказавших, по ее собственному признанию, большое влияние на становление ее художественной концепции.

Понятие границы в представлении Ингеборг Бахман оказывается тесно сопряженным с языком. При этом язык понимается ею предельно широко, а именно как «способ говорения о мире», подразумевающий под собой фактически любую область деятельности, в которой человек вступает в «разговор» с Логосом, и где происходит рождение смыслов. Неслучайно она говорила о литературе как о «в будущее открытом царстве неизвестных границ» [1, с. 290]. В попытке выразить «невыразимое» она нередко переступала границы литературы и прибегала к музыке, инкорпорируя те или иные ее элементы в свои тексты. В частности, Е.О. Съемщикова констатирует в своей диссертации «Музыкальность как особенность поэтики Ингеборг Бахман»: «Язык, несовершенный, по мнению литераторов, обогащается за счет интермедиаций другой сферы и наделяет произведение такими свойствами, каких неспособно достичь ни одно искусство отдельно взятое» [2, с. 161]. Любопытную параллель можно обнаружить в русской литературе XX века. Так, например, О. Мандельштам подчеркивал важность обращения поэта к музыке и призывал «слово вернуться в музыку, ибо именно из музыки оно и вышло» [3, с. 14]. По мнению Л.Г. Кихней, «слово-Логос оказывается связанным с музыкой и тишиной, последние и являются, собственно, его первоосновой» [3, с. 16]. О возможности косвенного влияния русского лирика на творчество И. Бахман судить трудно. Однако известно, что в немецкоязычной среде его произведения, согласно Е. Линдемманн, были представлены благодаря переводам П. Целана, в связи с чем не исключается вероятность знакомства И. Бахман с текстами О. Мандельштама [4, с. 11].

---

* © Моросеева Д.Д., 2016

Моросеева Дарья Дмитриевна (dachulka18@mail.ru), кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Интермедиальность не единственный пример перехода И. Бахман поэтологических границ. Имеет место также прием пересечения границ жанровых, например, использование лирических элементов в прозе, а нарративных или даже драматических – в лирике. В рамках единого текстового пространства И. Бахман может использовать разнородные образные и смысловые структуры, например, одновременно обращаться к греческой мифологии и библейским мотивам. При этом образы, заимствованные ею из столь различных дискурсов, утрачивают свой первичный онтологический статус, становясь при этом знаком, указывающим на те или иные семантические грани художественных смыслов. Именно поэтому данные образы и мотивы могут успешно сосуществовать в пределах одного текста и нисколько не противоречить друг другу, ибо служат единой эстетической задаче.

Осмысление специфики и значимости мотива границы в творчестве И. Бахман становится возможным только в контексте имманентных ее поэтике категорий «утопия» и «абсолютные величины» (“*reine Größen*”). Понятие утопии у И. Бахман коррелирует со знаменитым тезисом Л. Витгенштейна «границы моего языка – это границы моего мира», вследствие чего смысловым стержнем данного понятия выступает взаимосвязь языка и реальности. По мнению И. Бахман, изменение действительности возможно только путем изменения языка. Под изменением языка, в частности, понимается установка автора на поиск аутентичных художественных форм, способных адекватно выразить действительность. Понятие «абсолютные величины» было сформулировано И. Бахман для выделения таких ценностных констант, как «истина» (“*Wahrheit*”), «любовь» (“*Liebe*”) и «свобода» (“*Freiheit*”). Истина, любовь и свобода в их высшем проявлении и понимании выступают в концепции И. Бахман не как наивно возвеличенные, принадлежащие исключительно сфере мысли и не вступающие в контакт с реальной действительностью абстрактно-идеальные конструкты. Они представляют собой действительный и действенный опыт взаимодействия человека и абсолюта, подразумевающий выход за рамки ограниченного социальными нормами и установками сознания, радикальное нарушение всех условностей и пересечение собственных границ возможного и дозволенного. Однако социальная действительность, организованная по законам разума, априори не способна впустить в себя все то, что противостоит любым рамкам и ограничениям, стремится к безграничности и безусловности. Таким образом, стремление героя к достижению «абсолютной» истины, любви или свободы обнаруживает свою утопичность, ибо чем ближе он к ним подступает, тем дальше они удаляются от него. По мнению немецкого исследователя Г. Вебера, целью подобных «негативных примеров» служит «расширение сознания». Такой глубоко личностный, пограничный экзистенциальный опыт внутренне меняет, трансформирует героя, задает новые духовно-нравственные координаты. «*Warum aber stellt Bachmann solche Negativbeispiele und ihr Scheitern immer wieder dar? Sie gehören mit zum Programm der Grenzüberweitung: dem Leser wird der “Grenzfall”, literarisch zum “Ende” getrieben, vor Augen geführt; dadurch erzeugt sich jenes “Spannungsverhältnis”, das zur Bewusstseinsweiterung notwendig ist*» [5, s. 117].

Опираясь на теорию У.М. Ольман, согласно которой выделяются четыре наиболее важных тематических комплекса в творчестве И. Бахман, а именно: бегство/бездомность, любовь, истина и язык, мы выделили в рамках каждого из вышеперечисленных комплексов мотив границы, а также его семантические варианты [6, с. 107].

Так, тематический комплекс «бегство/бездомность» включает в себя следующие семантические варианты мотива границы: «географическая граница» и «граница между прошлым и настоящим». Так, например, мотив пересечения географической границы раскрывает стремление героя, страдающего от внутренней бесприютности и одиночества, обрести себя, свой дом или надежду на исцеление от травматичного прошлого («Паром», «Случай Францы», «Тридцатый год», «Синхронно», «Три дороги к озеру»).

Мотив границы между прошлым и настоящим в тематическом комплексе «бегство/бездомность» наиболее ярко раскрывается в последнем рассказе И. Бахман «Три доро-

ги к озеру». Известная фотокорреспондент Элизабет Матрай на какое-то время прерывает свой насыщенный рабочий график и возвращается в дом к своему отцу. Однако, желая снова пройтись по «дорогам детства» к озеру, она обнаруживает, что путь перекрыт строительством автострады. Д. Затонский усматривает в этом «кафкианский символ», который, согласно его предположению, воплощает «засыпанность» прошлого», «невозможность приобщиться к его канувшим в небытие идеалам» [7, с. 9]. Элизабет, ее отец, представляющий собой «воплощение австрийского духа», а также ее возлюбленный – Франц Йозеф Тротта – внутренне навсегда остались в прошлом, поэтому не могут найти себя в настоящем и повсюду чувствуют свою бесприютность и чуждость новой реальности [7, с. 9].

В тематическом комплексе «любовь» определяющим становится мотив границы между «я» и «другим». Так, например, в романе «Малина» абсолютная, но безответная любовь рассказчицы становится причиной ее смерти. Сила и глубина ее чувства никак не вписываются в контекст повседневной реальности, в которой так органично существует ее возлюбленный, не способный выйти за пределы своего чересчур поверхностного отношения к жизни. Пианистка Шарлотта, героиня рассказа «На пути в Гоморру», стремится освободиться от угнетающего женщину патриархата вступлением в однополую связь. Мечта о гармоничной и справедливой модели отношений обнаруживает, однако, свою иллюзорность и несостоятельность. И. Бахман показывает, что иерархические паттерны доминирования сильного и подчинения слабого изначально встроены в систему человеческих взаимоотношений и их проявление неизбежно независимо от гендерной принадлежности. Наиболее показательным произведением, раскрывающим мотив границы между «я» и «другим», является рассказ «Ундина уходит», представляющий собой развернутый лирический монолог от лица водной девы Ундины, воплощающей, по словам самой И. Бахман, символ искусства. Специфика развертывания данного мотива в рассказе заключается в том, что носителем «я» оказывается не человеческий персонаж, а мифический образ, некая абстрактная сущность. В то время как «другим» становится весь род человеческий и, в частности, представители его мужской половины – творцы, художники, мыслители, ученые, искатели вечного и прекрасного. Эта гендерная маркированность придает взаимоотношениям с Ундиной также особый эротический подтекст. Оба «субъекта» этих взаимоотношений представляют собой своего рода два полюса, которые, как магниты, находятся во взаимном притяжении и в то же время отделены непреходимой границей. В силу того, что Ундина, чем-то родственная по духу героине романа «Малина», является неким абсолютом любви, истины, творчества, красоты, она не может гармонично существовать в человеческом мире, полном разного рода недостатков и несовершенств. Двойственность ее отношения к людям, выраженная, с одной стороны, восхищением и сочувствием, с другой – обидой и негодованием, не дает ей полностью слиться с земной реальностью. Так, посредством мотива границы между «я» и «другим» тематизируется экзистенциальное одиночество субъекта высказывания, неизбежная замкнутость его сознания на себе самом, невозможность пересечения границ на пути к «другому».

В тематическом комплексе «истина» можно выделить мотив границы между истиной и ложью. Он обнаруживает себя там, где субъект повествования наталкивается на границы собственных вербальных возможностей и осознает, что выражаемое не всегда совпадает с подлинным содержанием действительности. Например, судья Вильдермут из одноименного рассказа всю жизнь борется за истину и верит в то, что она всегда может быть высказана, к концу жизни, однако, понимает, что не для каждой истины найдется слово. Герой рассказа сталкивается с тем, что истина может существовать в пространстве молчания, снов и стихии бессознательного, которая далеко не всегда поддается рационализации и вербализации, что соотносится с основополагающей идеей Платона о том, что «видимое не есть реальное» [8]. Мотив границы между истиной и ложью можно также обнаружить в романе «Малина» на примере речевого поведения субъекта повествования [9, с. 324].

Согласно У.М. Ольман, главным тематическим комплексом в творчестве И. Бахман является «язык», так как он так или иначе связан с каждым из вышеназванных тематических комплексов. Ключевым мотивом в рамках данного комплекса выступает мотив границы между выразимым и невыразимым. Понятие «невыразимого» соотносится с термином Л. Витгенштейна "das Mystische" («мистическое»). Это то, что «находится на границе мира ("an der Grenze der Welt") и не подлежит вербализации, так как не может быть закреплено как материальный и безусловный факт «посюсторонней реальности» [10, с. 191]. Так, переводчица Надя из рассказа «Синхронно» сталкивается с тем, что не может перевести библейскую цитату о чуде с итальянского на немецкий, хотя знает каждое слово в отдельности. Проблемой здесь становится не поиск наиболее подходящего языкового эквивалента, а сам смысл в своей первичной эмпирической ипостаси. Не будучи пережитым, прочувствованным изнутри, он не может быть выражен в аутентичной вербальной форме. Форма же при отсутствии содержания становится пустой, выхоленной, неаутентичной. Именно ощущение этой неаутентичности, неподлинности высказываемого доводит Надю до отчаяния, ей вдруг кажется, что она не знает ни одного языка, хотя основная проблема здесь не лингвистическая, а экзистенциальная.

Таким образом, мотив границы в творчестве И. Бахман обладает смысло- и сюжетобразующим потенциалом, о чем позволяют судить различные семантические варианты данного мотива, выделенные нами в рамках тематических комплексов «бегство/бездомность», «любовь», «истина» и «язык» на материале некоторых прозаических текстов австрийской писательницы. Понятие границы выступает как своеобразное организующее звено, позволяющее проблематизировать и разрабатывать такие экзистенциально значимые аспекты, как «я» и «другой», язык и сознание, слово и смысл, что подтверждает чрезвычайную продуктивность данной категории для поэтики И. Бахман.

Библиографический список

1. Schmitz-Emans M. Spiele an und mit Grenzen: Zu einigen poetischen Experimenten Ernst Jandls und anderer zeitgenössischer Lyriker // Поэтика рамы и порога: функциональные формы границы в художественных языках / науч. ред. Н.Т. Рымарь. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. С. 271–289 (Серия «Граница и опыт границы в художественном языке»).
2. Сьемщикова Е.О. Музыкальность как особенность поэтики Ингеборг Бахман: дис. ... канд. филол. наук. URL: <http://file:///C:/Documents%20and%20Settings/%D0%90%D0%B4%D0%B3%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BE%D1%80.НOMEPС/%D0%9C%D0%BE%D0%B8%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/Downloads/01005554358.pdf> (дата обращения: 15.12.2015).
3. Кихней Л.Г., Меркель Е.В. Осип Манделштам: философия слова и поэтическая семантика: монография. М.: ФЛИНТА, 2013. 200 с.
4. Lindemann E. Über die Grenze: zur späten Prosa Ingeborg Bachmanns. Würzburg: Königshausen und Neumann, 2000. 161 s.
5. Weber H. An der Grenze der Sprache. Religiöse Dimension der Sprache und biblisch-christliche Metaphorik im Werk Ingeborg Bachmanns. Essen: Verlag Die blaue Eule, 1986. 294 s.
6. Соколова Е.В. Творчество Ингеборг Бахман: понятия «язык» и «молчание»: дис. ... канд. филол. наук. URL: <http://cheloveknauka.com/tvorchestvo-ingeborg-bahman> (дата обращения: 16.12.2015).
7. Бахман И. Избранное: сборник / пер. с нем. К. Богатырев, Г. Ратгауз, А. Исаева. М.: Прогресс, 1981. 336 с.
8. Платон. Мир идей и мир вещей. URL: <http://eurasialand.ru/txt/gusev/19.htm> (дата обращения: 20.12.2015).
9. Моросеева Д.Д. Язык между утопией и реальностью в романе И. Бахман «Малина» // Вестник ТвГУ. Сер.: Филология. 2015. № 3. С. 320–328.
10. Моросеева Д.Д. Утопическое сознание и любовь в новелле И. Бахман «Все» («Alles») // Вестник СамГУ. 2014. № 9(120). С. 190–194.

References

1. Schmitz-Emans Monika. Spiele an und mit Grenzen: Zu einigen poetischen Experimenten Ernst Jandls und anderer zeitgenössischer Lyriker. *Poetika ramy i poroga: funktsional' nye formy granitsy v khudozhestvennykh iazykah* [Poetics of frame and threshold: functional forms of border in artistic languages]. Scientific editor N.T. Rymar'. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2006, pp. 271–289 (Series: Border and experience of border in artistic language) [in German].
2. Sijomshchikova E.O. *Muzykal'nost' kak osobennost' poetiki Ingeborg Bakhman. Dissertatsiia kand. filol. nauk* [Musicality as a feature of poetics of Ingeborg Bachmann. Candidate's of Philological Sciences thesis]. Retrieved from: URL: <http://file:///C:/Documents%20and%20Settings/%D0%90%D0%B4%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BE%D1%80.HOMEPC/%D0%9C%D0%BE%D0%B8%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/Downloads/01005554358.pdf> (accessed 15.12.2015) [in Russian].
3. Kikhney L.G., Merkel E.W. Osip Mandel'shtam: filosofii slova i poeticheskaia semantika: monografiia [Osip Mandelstam: philosophy of the word and poetic semantics: monograph]. M.: FLINTA, 2013, 200 p. [in Russian].
4. Eva Lindemann. Über die Grenze: zur späten Prosa Ingeborg Bachmanns. Würzburg: Königshausen und Neumann, 2000, 161 s. [in German].
5. Weber H. An der Grenze der Sprache. Religiöse Dimension der Sprache und biblisch-christliche Metaphorik im Werk Ingeborg Bachmanns. Essen: Verlag "Die blaue Eule", 1986, 294 s. [in German].
6. Sokolova E.V. *Tvorchestvo Ingeborg Bakhman: Poniatiia "iazyk" i "molchanie": dis. ... kand. filol. nauk* [Ingeborg Bachmann's creativity: Concepts "language" and "silence". Candidate's of Philological Sciences thesis]. Retrieved from: <http://http://cheloveknauka.com/tvorchestvo-ingeborg-bahman> (accessed 16.12.2015) [in Russian].
7. Bachmann I. Izbrannoe: sbornik / per. s nem. K. Bogatyrev, G. Ratgauz, A. Isaeva [Selection: Collection. Transl. from German by K. Bogatyrev, G. Ratgauz, A. Isaev]. M.: Progress, 1981, 336 p. [in Russian].
8. Platon. Mir idei i mir veshchei [World of ideas and prophetic world (Plato)]. Retrieved from: <http://eurasialand.ru/txt/gusev/19.htm> (accessed 20.12.2015) [in Russian].
9. Moroseeva D.D. Iazyk mezhdru utopiei i real'nost'iu v romane I.Bakhman «Malina» [Language between utopia and reality in the novel by I. Bachman «Malina»]. *Vestnik TvGU. Serii «Filologii»* [Vestnik TvGU. Series: Philology], 2015, no. 3, pp. 320–328 [in Russian].
10. Moroseeva D.D. Utopicheskoe soznanie i liubov' v novelle I.Bakhman «Vse» («Alles») [Utopian consciousness and love in the short story by I. Bachmann "All" ("Alles")]. *Vestnik SamGU* [Vestnik of Samara State University], 2014, no. 9(120), pp. 190–194 [in Russian].

D.D. Moroseeva*

**POETICS OF THE MOTIVE OF THE BORDER
IN THE PROSE BY INGEBOG BACHMANN**

The phenomenon of the border on the basis of I. Bachmann's prose is considered in this article. The potential of the motive of the border to generate senses and plot is researched by means of selecting and analyzing its semantic variations. The motive of the border is used by the author to develop such existential significant aspects as "me" and "the other", language and consciousness, word and sense.

Key words: motive, border, language, consciousness, utopia, I. Bachmann.

Статья поступила в редакцию 25/XII/2015.
The article received 25/XII/2015.

---

* *Moroseeva Daria Dmitrievna* (daschulka18@mail.ru), Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara University, 34, Moskovskoye Shosse, Samara, 443086, Russian Federation.